

**Секция «Внутренняя и внешняя политика Японии»
(модератор д.и.н. В.О. Кистанов)**

**Стрельцов Д.В. (МГИМО-Университет)
Об историческом опыте системы монопольного правления
Либерально-демократической партии (ЛДП)***

Мировой опыт свидетельствует о большом многообразии моделей политической системы доминантной партии, в том числе и демократических странах, - достаточно посмотреть на политическую историю Италии, Мексики, Японии и др. За последние годы большое количество внутривнутриполитических кризисов в этих странах внесли эрозию в демократические институты и существенно ослабили общественную поддержку партий власти.

Одним из наиболее интересных и поучительных в этом отношении является опыт Либерально-демократической партии Японии (ЛДП) по удержанию более чем полувекового господства. Среди политических технологий удержания власти наиболее эффективными представляются следующие:

1) **методы электоральной политики:** опора на персональную ориентацию японских избирателей, перенесение ответственности за ведение избирательных кампаний на уровень индивидуальных кандидатов с максимальным использованием функции ЛДП как «партии-франшизы»; в сельских округах и малых городах - опора на «твердые голоса» и их мобилизация с помощью «обществ поддержки»; в урбанизированных регионах - опора на «средний класс», его мобилизация через различные профессиональные, корпоративные, любительские, местные и иные структуры, вовлечение этих структур в сферу клиентелистской политики.

2) **методы недопущения раскола партии: максимальный плюрализм мнений внутри партии.** ЛДП с самого начала создавалась как партия-конгломерат, объединившая в своих рядах представителей различных идеологических течений консервативной ориентации. Внутренняя структура ЛДП была изначально построена на основе деления партии на фракции, обладавшие значительной финансовой, кадрово-организационной и даже идейно-политической автономией. Помимо фракций, в ЛДП существовали депутатские группы, специализировавшиеся на определенной области государственного управления - *дзоку* (кланы), концентрировались в секциях Совета по политическим вопросам ЛДП. Существовали также многочисленные «группы давления», занимавшиеся лоббированием в партийных и правительственных органах определенных решений. В партии всегда существовал широкий плюрализм мнений, дававший основания охарактеризовать ее в качестве «универсальной» (“catch-all party”). Важнейшим методом сохранения единства партии было неуклонное следование принципу консенсуса при принятии политических решений,

3) **методы обновления имиджа партии путем смены руководства:** регулярная смена премьер-министров и реформирование состава кабинетов министров. В среднем за 38 лет правления период пребывания у власти кабинета министров в среднем составлял полтора года, премьер-министра – два с половиной года.

Правление С.Абэ (с 2012 г.), пришедшего к власти за счет традиционных методов межфракционных договоренностей, является исключением из правила и свидетельствует об эрозии традиционной модели правления. Абэ продемонстрировал свою склонность к авторитарному стилю управления: апеллирование к народным массам и игнорирование устоявшейся практики внутривнутрипартийного плюрализма.

* Настоящий доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, проект 16-01-50085 «"Система 1955 года": политическая власть в Японии в эпоху холодной войны».

4) **технологии внесения раскола в ряды оппозиции, недопущения ее консолидации на основе противостояния партии власти.** Для ЛДП практиковала методологию внесения в электоральную повестку дня значимых вопросов международно-политического или идеологического характера, где были противоречия между самими оппозиционными партиями. ЛДП, кроме того, всегда держала открытой дверь для блокирования с другими партиями (кроме КПЯ) в рамках правящей коалиции. Наконец, обычной для ЛДП была практика приема в партийные ряды победивших на выборах «независимых» депутатов. Победа на выборах автоматически давала им реальную возможность без лишних вопросов вступить в правящую партию в соответствии с откровенно циничным партийным лозунгом: «Если Вы победили – Вы ЛДП!»

Феномен доминантной партии фактически сохранился и после вступления Японии в эпоху коалиционных правительств в середине 1990-х гг., а после 2012 г., на фоне массового разочарования единственной реальной альтернативой ЛДП в лице Демократической партии этот феномен вновь приобрел очертания системной характеристики японской политической модели. Одной из причин устойчивости феномена доминантной партии в Японии является «зависимость от накатанного пути», которая воспроизводит определенные стереотипы как на уровне общенациональной политической модели, так и на уровне политики в конкретной области, например, в области военного сотрудничества с США.

Евсеев В.В. (Институт стран СНГ)
Российско-японское сотрудничество
в рамках построения новой системы региональной безопасности

В настоящее время происходит изменение глобального баланса сил. Роль США в мире постепенно снижается, что возлагает больше ответственности на региональные державы, которые будут все активнее вовлекаться в разрешение региональных проблем. Это отчетливо проявляется в Сирии, где уже сейчас американцы не имеют решающей роли. В дальнейшем, урегулирование сирийского кризиса во многом будет зависеть от взаимодействия России, Турции и Ирана с вовлечением в этот процесс Китая и ряда других внешнеполитических игроков. При этом присутствие в Сирии США и их союзников (за исключением Турции, которая является членом НАТО, но имеет с Вашингтоном сложные отношения) будет носить ограниченный характер, как и Саудовской Аравии и других Аравийских монархий Персидского залива. Несомненно, что Россия пришла на Ближний Восток надолго. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в середине октября 2016 г. Президент РФ Владимир Путин подписал закон о ратификации соглашения между Россией и Сирией о бессрочном размещении на территории последней военной базы «Хмеймим». Согласно тексту этого документа, все российские военные и персонал базы будут обладать дипломатическим иммунитетом. Одновременно в Тартусе разворачивается военно-морская база, что позволит Москве контролировать всю восточную часть Средиземного моря.

В России стараются не вмешиваться в иракский кризис, который во многом носит характер сунитско-шиитского противостояния. Вполне возможно, что в перспективе эта страна распадется на несколько частей, и Москва не хочет быть на стороне либо шиитского Ирана, либо суннитской Саудовской Аравии. Это касается и Иракского Курдистана, который, скорее всего не сможет стать ядром «Великого Курдистана», в том числе по причине внутренней раздробленности (в частности, там имеет место противостояние между кланами Барзани и Талабани, серьезное недопонимание существует и между сирийскими и иракскими курдами). Но это не исключает укрепления сотрудничества Москвы одновременно и с Багдадом, и Эрбилем, в том числе в военно-технической сфере.

Другое дело – Йемен. Исторически, Россия имела хорошие связи с Южным Йеменом. Это стало одной из причин того, почему она не поддержала проживающих на

севере этой страны хуситов. Помимо этого, Москва не желает быть втянутой там в ирано-саудовское противостояние. В таких условиях именно РФ, которая имеет серьезный международный авторитет и хорошие связи со всеми участниками конфликта (сейчас это касается даже Саудовской Аравии), может выступить в роли медиатора для урегулирования кризиса в Йемене.

Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация в Афганистане, где существенно активизировали свою антиправительственную деятельность талибы. Так, в октябре 2016 г. они вновь ненадолго захватили г. Кундуз, центр одноименной провинции на севере страны. Тем не менее, в конце сентября нынешнего года было подписано мирное соглашение между правительством Исламской Республики Афганистан и Исламской партией Афганистана, которую возглавляет Гульбеддин Хекматияр (последний из наиболее серьезных полевых командиров). Нынешнее соглашение позволяет ему не только вернуться на политическую сцену страны, но и воссоздать свою политическую партию, как основную политическую силу внутри Афганистана. Однако усиление позиций пуштунов внутри Афганистана может привести к усилению их противостояния с таджиками и другими национальными меньшинствами (прежде всего, узбеками и хазарейцами).

Пока российское присутствие в Афганистане крайне ограничено, что крайне затрудняет сдерживание таких нетрадиционных вызовов и угроз, как терроризм, радикальный ислам и незаконный оборот наркотиков в отношении стратегически важных для нас государств Центральной Азии. Поэтому следует ожидать проникновения РФ в эту страну за счет активизации экономического сотрудничества, оказания гуманитарной помощи и развития контактов в области культуры. Одновременно будут укрепляться отношения с местной элитой и военно-техническое (ограниченное военное) сотрудничество РФ с Афганистаном путем, например, оказания помощи в восстановлении вертолетного парка страны. На базе этого в перспективе станет возможным урегулирование афганского кризиса на основе российско-китайского взаимодействия с привлечением других внешнеполитических игроков, причем на внеблоковой основе.

Очевидно, что РФ не является инструментом китайского влияния, и она имеет собственные национальные интересы. Это особенно важно, например, в Афганистане, где многими Пакистан воспринимается как спонсор терроризма. Однако уровень российско-индийского сотрудничества существенно выше, чем такое взаимодействие между Москвой и дружественным Китаю Исламабадом. Поэтому российско-китайское сотрудничество в Афганистане, при ослаблении там роли США и их союзников, не вызовет там существенного противодействия со стороны афганцев.

Переходя к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), нужно отметить возможность использования там российского опыта, накопленного при урегулировании сирийского кризиса (подтверждением этого служит, например, освобождением восточных кварталов Алеппо) и выстраивании отношений с такими сложными партнерами, как Китай, Иран, Турция и Саудовская Аравия.

Это касается и столь взрывоопасного региона, как Северо-Восточная Азия. В этом регионе США вначале провоцируют Северную Корею путем проведения на регулярной основе масштабных американо-южнокорейских учений, а затем наказывают Пхеньян за проведение им ядерных испытаний и запусков ракет-носителей (в реальности, это означает создание искусственных препятствий для мирного освоения космоса). И под прикрытием северокорейской ракетно-ядерной угрозы Вашингтон создает рубежи противоракетной обороны (ПРО), которые направлены против Пекина.

Казалось бы, что в таких условиях, особенно учитывая союзнические отношения США с Японией и Южной Кореей, крайне сложно создать в регионе ограничения для развертывания гонки вооружений. Но это возможно при так называемом секторальном подходе, когда система безопасности создается не сразу во всем регионе, а первоначально в некоторых его частях на двусторонней основе. Базисом для этого может стать укрепление российско-японских отношений, вплоть до перехода к ограниченному

военному сотрудничеству, в первую очередь в сфере военно-морского флота. Последние годы военное руководство Японии проявляет интерес к такому сотрудничеству, так как не уверено в готовности США защитить их от Китая. В таких условиях Россия рассматривается как вполне возможный партнер. И хотелось бы верить, что политическое решение по этому вопросу может быть принято в середине декабря нынешнего года во время визита в Японию президента России Владимира Путина.

Следует заметить, что уходящая администрация Обамы не смогла восстановить прежний уровень американо-китайского взаимодействия. Но и Пекин пока не идет на дальнейшее обострение двусторонних отношений, особенно учитывая намного более гибкую позицию нового президента Филиппин Родриго Дутерте, крайне заинтересованного в получении китайских инвестиций. Еще меньше в этом заинтересованы страны АСЕАН, в частности Малайзия. В таких условиях Япония вынуждена занимать в отношении Китая более выдержанную позицию. При этом в Токио осознают потенциальную возможность КНР создать к 2030 г. независимую от США глобальную финансовую систему и достичь к этому времени сравнимого с американцами военного потенциала в АТР.

Как уже указывалось, может быть выбран секторальный подход к формированию единой системы безопасности Северо-Восточной Азии. Для этого, в качестве первого этапа, следует, помимо укрепления российско-китайского взаимодействия в военной сфере, перейти к военному сотрудничеству между Россией и Японией, а также активизировать военно-техническое сотрудничество между Москвой и Сеулом. Одновременно не следует забывать о наличии союзнических отношений США с Японией и Южной Кореей. Указанные пары государств составят некоторые сегменты будущей системы региональной безопасности.

В рамках каждого сегмента безопасности следует провести оценку общих вызовов и угроз. При этом очевидно, что для России и Китая основную военную угрозу представляют США, способные к нанесению по нашим государствам массированных авиационных и ракетных ударов, в том числе с применением ядерного оружия. Это требует проведения совместных учений. Подобный подход имеет место и в США, что, казалось бы, требует создания в Северо-Восточной Азии двух военно-политических блоков. Однако на практике этого можно избежать, учитывая ослабление как глобального, так и регионального влияния со стороны Вашингтона. Фактически военно-политические блоки уже не работают, что видно на примере НАТО, которая пытается бороться с мифической российской угрозой, не замечая международного терроризма на собственной территории.

Меняются в мире и союзнические отношения. В частности, крайне маловероятно, что США будут готовы начать мировую войну за Польшу или Румынию (тем более это касается стран Балтии). Но американцы будут воевать за Великобританию, в том числе с применением ядерного оружия. Однако пойдет ли Вашингтон на это в случае войны Китая с Японией? Этот вопрос остается открытым, что подталкивает Токио к созданию собственного ядерного оружия. В таких условиях создание новой системы региональной безопасности, причем на внеблоковой основе, приобретает особую актуальность.

Конечно, спектр военных угроз для КНР достаточно широк. Помимо США такие угрозы для Пекина могут представлять Япония (для РФ это только вызов), Республика Корея, и Тайвань. Общий вызов для России и Китая исходит со стороны Северной Кореи.

Еще более интересны перспективы военно-политического сотрудничества между Россией, Китаем и Южной Кореей на фоне развертывания на Корейском полуострове батареи американской системы ПРО наземного базирования THAAD. Очевидно, что взаимодействие между указанными государствами должно строиться на внеблоковой основе путем оценки общих вызовов и угроз, а также реализации мер доверия с целью исключения военных инцидентов в море или воздушном пространстве. На экспертном уровне существует понимание о необходимости такого взаимодействия хотя бы между Москвой и Сеулом. Если его удастся реализовать на двустороннем уровне, то потом

возможно вовлечь в этот процесс Китай, то есть фактически объединив два сектора в области безопасности. Пока это кажется иллюзией, но мы еще не знаем приоритетов новой администрации Трампа. Если она будет больше вовлечена в разрешение внутренних проблем, то у Токио и даже Сеула может появиться некоторая свобода действий в области региональной безопасности.

Конечно, многое будет зависеть от роли США в Северо-Восточной Азии и АТР в целом, экономического состояния Европы и глубины экономического американо-китайского и китайско-японского соперничества. При некоторых условиях (например, ослабления роли США или обострения двусторонних противоречий с Пекином, а тем более в случае разрешения проблемы «Северных территорий» в формате «2 + 2») сближение Москвы и Токио может ускориться, в том числе на территории постсоветского пространства.

Таким образом, Россия имеет некоторый опыт как в создании новых систем региональной безопасности, так и в выстраивании отношений с трудными партнерами. Это может быть использовано в таком взрывоопасном регионе как Северо-Восточная Азия в виде секторального подхода к формированию единой системы безопасности, то есть вначале решения проблем на двустороннем уровне, а затем перехода на трехсторонний и многосторонний формат. В рассматриваемом регионе это не просто ввиду неурегулированности ядерного кризиса на Корейском полуострове. Тем не менее, нельзя этот вопрос откладывать на будущее, чтобы избежать негативного развития событий. Причем в процессе создания новой системы региональной безопасности важная роль принадлежит российско-японскому взаимодействию, что в некоторой степени позволит сбалансировать неизбежное усиление военного потенциала Китая.

Нелидов В.В. (МГИМО-Университет)
Перспективы японо-американского союза
после президентских выборов в США

Победа на президентских выборах в США кандидата от Республиканской партии Дональда Трампа, критически высказывавшегося по поводу японо-американского союза, вызвала опасения, что новая американская администрация, нацеленная на более изоляционистскую внешнюю политику, может отказаться от гарантий безопасности в отношении Японии, что подорвет военное сотрудничество двух стран и подтолкнет Японию к превращению в независимую военную державу.

Вместе с тем, несмотря на жесткость заявлений будущего президента Соединенных Штатов, ряд факторов указывают на то, что ожидать драматических перемен в области японо-американского военного сотрудничества не приходится. Во-первых, ситуации, при которых Вашингтон требует от Токио взять на себя больше обязательств в рамках союза, при этом более или менее завуалированно угрожая в противном случае отказаться от своих обязательств по защите Японии, повторяется на протяжении послевоенных десятилетий регулярно, и во многом именно такие кризисные периоды способствуют трансформации и развитию японо-американского сотрудничества в области безопасности. Во-вторых, реализуемая правительством Синдзо Абэ политика «активного пацифизма» нацелена именно на повышение международной роли Японии при сохранении союза с США и, таким образом, уже движется в направлении, которое от Японии может потребовать новая американская администрация. В-третьих, необходимость стратегического сотрудничества с Соединенными Штатами диктуется для Японии наличием ряда угроз глобального и регионального характера. В частности, по мнению авторов японской политики в области национальной безопасности, к таким угрозам относятся вызовы со стороны Китая и КНДР, парирование которых без помощи со стороны США будет для Японии многократно более сложным, чем при сохранении японо-американского союза, пусть даже и при необходимости более значительных затрат на его поддержание.

Все это указывает на то, что, несмотря на, казалось бы, радикальные заявления, прозвучавшие в ходе предвыборной кампании в США, японо-американский союз, по-видимому, останется одним из важнейших элементов архитектуры безопасности в Восточной Азии и основой военной политики Японии.

**Крячкина Ю.А. (Центр Азии и Ближнего Востока РИСИ)
Внешняя политика кабинета Синдзо Абэ
в контексте соперничества ведущих государств АТР**

Современный внешнеполитический курс японского кабинета министров во главе с Абэ Синдзо можно определить как линию на занятие Японией достойного места в мире, и в конечном итоге «нормализацию» страны. Известно, что термин «нормализация» был предложен влиятельным японским политиком Итиро Одзавой еще в начале 90-х гг. XX в., однако последовательно претворяется в жизнь всеми ведущими политическими силами страны. За последние годы, в частности, с момента победы Либерально-демократической партии Японии на внеочередных парламентских выборах в декабре 2014 г., создаются благоприятные политические условия для проведения целого ряда реформ. Пересмотр в апреле 2015 г. «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны», пересмотр японского оборонного законодательства в сентябре 2015 г. стали важными вехами в политической жизни Японии.

В 2016 г., благодаря председательству Японии в «большой семерке», была создана благоприятная почва для продвижения японского взгляда и повестки дня в мировых делах. Значительное внимание в связи с этим привлек визит японского премьер-министра в Россию в мае 2016 г. Решение нанести неофициальный визит в Сочи в преддверии саммита G7 в японской Исэ-Сима стало символом независимости внешней политики Токио и стремления наладить охладившиеся в результате политики санкций отношения с Москвой. Данный визит эксперты также связывали с желанием Японии взять на себя роль посредника в диалоге России с Западом. Линию на сближение с Москвой японский премьер продолжил, приняв приглашение посетить 2ой Восточный экономический форум, прошедший во Владивостоке в сентябре 2016 г.

Премьер-министр С. Абэ в своей внешней политике демонстрирует все более глобальные амбиции, что подтверждается также пересмотром в 2015 г. «Хартии сотрудничества в области развития» (ранее «Хартия ОНР»), принятием арктической стратегии Японии в октябре 2015 г. (первой из восточноазиатских государств). Устремления Токио в целом соответствуют и желанию Соединенных Штатов иметь в лице Японии активного союзника. Вместе с тем избрание президентом США Дональда Трампа, многократно критиковавшего серьезные затраты на обеспечение безопасности союзников, в том числе Японии, порождает много вопросов относительно будущего японо-американского альянса и дальнейшего использования Токио американского «защитного зонтика».

**Киреева А.А. (МГИМО-Университет)
Политика Японии в отношении проблемы Южно-Китайского моря
и трансформация японской стратегии в области безопасности**

Политика Японии в отношении Южно-Китайского моря является частью японской стратегии, направленной на сохранение ее роли как одного из лидеров в Восточной Азии и является важным элементом стратегического соперничества с Китаем как ключевого средства недопущения его доминирования. Восприятие политики Китая как угрозы безопасности, которое стало ключевой причиной трансформации стратегии Японии в области безопасности, вызвано действиями Китая в конфликтах в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Обострение территориального конфликта в ЮКМ произошло в

конце 2000-х – начале 2010-х гг., а с 2013 г., Китай начал активную работу по расширению и насыпу искусственных островов, т.е. созданию искусственных островов из рифов и скал, строительству гражданской и военной инфраструктуры на них, значительно увеличил присутствие кораблей береговой охраны и военных кораблей.

Хотя Япония не вовлечена непосредственно в конфликт вокруг Южно-Китайского моря, именно это направление становится все более значимым с точки зрения ее стратегических интересов. Будучи страной с огромными экономическими, политическими интересами и интересами в сфере безопасности в Юго-Восточной Азии, Япония все больше активизирует свою политику по отношению к Южно-Китайскому морю именно в сфере безопасности. Япония стремится оказать помощь странам АСЕАН в их противодействии вызову в сфере безопасности, который представляет собой деятельность Китая в Южно-Китайском море. На интересы Японии также влияет военно-политический альянс с США и стремление поддержать там своего союзника, который активизировал политику в регионе после объявления курса на «ребалансировку в Азию» в 2011 г. Важным фактором также является наличие у Японии и Китая серьезного территориального конфликта с Китаем по поводу островов Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море и восприятие двух конфликтов как взаимосвязанных, т.к. Япония позиционирует действия КНР в обоих конфликтах как угрожающие безопасности и направленные на нарушение статус-кво в регионе. Активизацию политики Японии по отношению к ЮКМ следует рассматривать в контексте стратегического соперничества с Китаем в Восточной Азии, которое помимо территориального конфликта вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао включает в себя соперничество за лидерство в регионе, обеспокоенность обеих стран по поводу модернизации военных потенциалов друг друга и существующей между ними дилеммы безопасности, проблему различной интерпретации истории и т.д.

Политика Японии по отношению к Южно-Китайскому морю позиционируется как политика, призванная дать отпор китайской угрозе и сохранить стабильность в регионе. Такое объяснение стало одной из ключевых составляющих аргументации активизации политики Японии в области безопасности при кабинете Синдзо Абэ и принятия стратегии «активного пацифизма», в соответствии с которой Япония должна увеличить свой вклад в поддержание мира и стабильности в Восточной Азии и в мире в целом. Япония стремится сохранить свои позиции как одной из великих и региональных держав и продвигает идею регионального порядка, «основанного на международном праве» и выступает за оппозицию изменению статус-кво в регионе (это стало квинтэссенцией речи премьер-министра Синдзо Абэ на диалоге по вопросам безопасности Шангри-Ла в 2014 г.), и в качестве основного направления указываются конфликты в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Более того, Япония акцентирует внимание на деятельности Китая в ЮКМ для того, чтобы добиться от стран региона, в первую очередь вовлеченных в спор стран АСЕАН, поддержки своей стратегии.

Трансформация стратегии Японии в области безопасности связана с курсом на снятие послевоенных ограничений и превращение Японии в «нормальную страну». В апреле 2014 г. был отменен запрет на экспорт вооружений, продукции двойного и военного назначения и на участие в разработке новых вооружений и военных технологий (предполагается, что за этим последует более тесное сотрудничество с США, Австралией, странами ЕС в этой сфере). В феврале 2015 г. была принята новая «Хартия по развитию сотрудничества», которая предполагает возможность оказания помощи вооруженным силам других стран «для невоенных целей» в рамках Официальной помощи развития (ОПР). Наконец, 20 сентября 2015 г. был принят закон, разрешающий право на коллективную самооборону, в соответствии с которым силы самообороны Японии могут осуществлять военные операции для защиты союзников за пределами страны. В качестве одной из ключевых причин этих изменений называется агрессивная деятельность Китая в ВКМ и ЮКМ. В апреле 2015 г. были приняты новые Основные направления оборонного сотрудничества между Японией и США, которые предполагают более тесную

координацию между вооруженными силами двух стран, что стало возможно в связи с принятым в Японии законодательством, и фактически открывают дорогу для совместных операций в Южно-Китайском море. США заинтересованы в участии Японии в проведении морских и воздушных патрулей в ЮКМ.

В течение длительного времени Япония критически относилась к политике Китая в ЮКМ и регулярно поднимала этот вопрос в многосторонних институтах в Восточной Азии, но основное измерение ее политики по отношению к Юго-Восточной Азии лежало в экономической плоскости и предполагало тесное экономическое сотрудничество, инвестиции в регион и предоставление помощи по линии ОПР. В свете описанных выше изменений возобладало мнение, что одной экономической политики оказывается недостаточно, и Япония для сохранения своих позиций в регионе должна начать предоставлять «общественные блага» не только в экономической сфере, но и в сфере безопасности, а также сфокусироваться на ключевых странах. В 2015-2016 гг. Япония приступила к осуществлению поставок кораблей береговой охраны по линии ОПР для Филиппин и Вьетнама (10 и 6 кораблей соответственно), формируя для этой цели своеобразную «коалицию желающих» для сдерживания «агрессивного поведения» Китая в ЮКМ. Япония принимает участие в обучении береговой охраны большинства стран АСЕАН, имеющих выход к морю. В 2014-2016 гг. проводились совместные морские учения с Филиппинами, а корабли морских сил самообороны Японии в 2016 г. совершили визит на военные базы Субик Бэй на Филиппинах и Камрань во Вьетнаме. Япония также активизировала сотрудничество в оборонной сфере, например, с Филиппинами в 2016 г. было подписано соглашение по поводу продажи японской военной техники. Сотрудничество в сфере безопасности также получило активное развитие в 2015-2016 гг. в отношениях Японии с Малайзией и Индонезией, у которых существует обеспокоенность по поводу эскалации конфликта в ЮКМ.

Одной из самых важных тем, продвигаемых Японией на региональном уровне, является создание морского порядка в регионе, который базировался бы на международном праве и принципе свободы судоходства и мореплавания. Вопрос о необходимости соблюдения данных принципов в ЮКМ поднимается Японией на всех ключевых многосторонних площадках в регионе. Кроме того, Япония заявила о том, что поддерживает операции США, направленные на подкрепление принципа свободы судоходства и мореплавания (*freedom of navigation operation*), когда США входили в пределы 12-мильного территориального моря КНР вокруг контролируемых ею островов или в провозглашенную Китаем «девятипунктирную линию», которая акваторию, на которую он претендует. США совершили четыре таких операции в октябре 2015 г., январе, мае и октябре 2016 г.

В июле 2016 г. Постоянная палата Третейского суда – Международный арбитражный суд, расположенный в Гааге, вынес решение по поводу иска Филиппин по Южно-Китайскому морю, несмотря на отказ Китая участвовать в заседании и заявления о том, что односторонний иск является незаконным. По большинству пунктов иск Филиппин был удовлетворен. В решении арбитража сказано о том, что исторические права не могут служить основанием для обоснования принадлежности претензий КНР на акваторию в рамках «девятипунктирной линии», т.к. любые исторические основания на острова и рифы, находящиеся в пределах исключительных экономических зон и континентального шельфа других стран, не являются легальным после ратификации Конвенции ООН по морскому праву. Арбитраж также определил статус всех островов в ЮКМ, отметив, что только часть из них являются скалами, которые генерируют 12-мильное территориальное море. Также содержится заявление о том, что Китай нарушил суверенные права Филиппин на использование исключительной экономической зоны и континентального шельфа, и его действия привели к эскалации спора, но суд не выносил никакого решения по поводу суверенитета над спорными островами, т.к. это находится за пределами его компетенции. США, Япония и Австралия призвали обе стороны спора действовать в соответствии с данным решением, которое они охарактеризовали как

юридически обязывающее, и воздерживаться от односторонних действий. Тем самым позиции США и их союзников Японии и Австралии являются самыми радикальными по отношению к необходимости исполнения решения Трибунала, которое, с их точки зрения, является важным вкладом в дело мирного решения конфликта в ЮКМ.

Хотя Япония ранее не принимала участие в многосторонних учениях в ЮКМ и в патрулировании совместно с США, в сентябре 2016 г. министр обороны Японии Томоми Инада заявила, что Япония планирует осуществлять совместные патрули в ЮКМ вместе с США и продолжать сотрудничество и предоставление помощи Филиппинам и Вьетнаму. Это заявление вызвало резкую критику со стороны КНР.

Таким образом, политика Японии по отношению к вопросу Южно-Китайского моря демонстрирует, что стратегия Японии по отношению к Китаю явственно трансформировалась в стратегию балансирования. В то же время, остается неясным, представляет ли данный курс собой сценарий улучшения безопасности в Восточной Азии в целом и воспринимается ли он как такой странами региона. Страны АСЕАН демонстрирует стремление сотрудничать с Японией (это было подтверждено и президентом Филиппин Родриго Дутерте во время его визита в Японию в октябре 2016 г.) в данной сфере, но неизвестно, насколько страны АСЕАН будут поддерживать Японию в случае усиления военной компоненты ее политики в регионе. Китай выступает резко против политики Японии в ЮКМ и обвиняет ее в том, что она (наряду с США) влезает не в свое дело, в конфликт, который ее напрямую не затрагивает и только порождает проблемы в области безопасности и в отношениях Китая со странами АСЕАН, вместо того чтобы способствовать их решению.

В заключение следует отметить, что политика Японии по вопросу ЮКМ является одним из факторов, которые будут определять региональный порядок в Восточной Азии, хотя, без сомнения, стратегическое соперничество между США и Китаем и политика вовлеченных в конфликт сторон будет иметь не меньшее, а даже большее значение.

Милеев Д.А. (ИВ РАН)

Япония в поисках региональной стабильности в XXI в.

Глобальные изменения, происходящие в современной системе международных отношений, связанные с определением новых, адекватных принципов взаимодействия ведущих акторов ставят под сомнение существующие союзнические обязательства. Стремление держав играть новые роли требует от национальной элиты Японии вдумчивого, прагматичного реагирования и выработки оптимальной линии поведения, наиболее отвечающей обеспечению национальной безопасности страны. Главная, проверенная временем, основа японской внешней политики - опора на японо-американский союз, который обеспечивает безопасность Японии, в последнее время оказалась перед вызовом со стороны растущей военно-политической мощи КНР. Пекин апробирует новую функциональную роль лидера региона.

Это проявляется в различных формах. Китай неуклонно увеличивает военный потенциал национальных вооруженных сил, делая упор на возрастание качественных параметров, стремясь приобрести новые ранее недоступные возможности в технологически емких областях военного строительства: развивает ракетные системы стратегического и оперативно-тактического назначения, в том числе разрабатывает уникальные средней дальности противокорабельные баллистические ракеты DF-21D, Пекин развивает свои противоспутниковые возможности.

Идет масштабная кораблестроительная программа, призванная расширить возможности КНР проецировать силу в отдаленных районах мира, модернизируются и оснащаются боевыми самолетами новых поколений ВВС, войска насыщаются современными системами ПВО. Усилия по наращиванию военного потенциала поддерживаются на дипломатическом направлении. Китай предлагает интеграционные

проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь», диверсифицирует транспортные пути, ведущие к основным внешним торговым контрагентам. Китай способствует укреплению и повышению эффективности региональных организаций, таких как ШОС и БРИКС, в которых отсутствует западное, прежде всего, американское представительство. Китайская дипломатия развивает особые отношения с рядом государств АСЕАН, что не позволяет этому региональному формату выступать единым фронтом против устремлений КНР. Складывание новых реалий привело к тому, что Китай, исходя из логики заложенного пути развития, перешел на новую, активную стадию обеспечения национальных интересов, проявлением чего стала политика КНР в отношении спорных территорий в акваториях Южно-Китайского моря и Восточно-Китайском море. Япония обеспокоена изменением роли КНР. В белой книге министерства обороны Японии отмечается, что "проблема обеспечения безопасности и существование дестабилизирующих факторов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, включая зону вокруг Японии, становится все более серьезной, ... наблюдается заметная тенденция среди соседних стран, направленная на модернизацию и усиление военного потенциала и активизацию военной деятельности".ⁱ

По мнению известного японского эксперта вице-адмирала Хидэаки Канэда, Япония может прочно утвердиться в качестве морского государства, способного выдерживать давление КНР, если будет заниматься "укреплением самообороны, углублением японо-американского альянса, расширением регионального сотрудничества".ⁱⁱ С 2012 года когда Синдзо Абэ был повторно утверждён в должности премьер-министра Японии, и начался длительный период пребывания у власти Абэ и ЛДПЯ, что является фактором, повышающим политическо-социальную устойчивость Японии, и дает шанс на преодоление длительного периода кризиса в экономике. Отечественные исследователи определяют изменения, произошедшие в жизни японского общества, как консервативный поворот. Надо отметить, что в вопросе укрепления потенциала самообороны японское правительство осуществляет планомерные шаги. В военной сфере растут расходы на оборону, так по проекту в 2017 фин. году планируется дальнейший рост до 4.97 трилл. иен.ⁱⁱⁱ Япония также проводит модернизацию и качественное обновление сил самообороны. Островное положение Японии обуславливает ее зависимость от способности обеспечивать необходимый уровень самообороны на море и в воздухе, так как, потеряв контроль над морем, страна окажется в чрезвычайно уязвимом положении.

Поэтому, среди мер повышения обороноспособности государства, преобладают те, которые повышают способность ССО решать задачи обеспечения контроля акваторий. Японские ВВС закупают 42 истребителя пятого поколения F-35A, самолеты патрульные и противолодочной авиации, самолеты дозаправки KC-46a, БПЛА Global Hawk, повышают возможности самолетов ДРЛО. ВМС разрабатывают новый проект подводной лодки с улучшенными характеристиками, количество ПЛ планируется довести до 22, запланировано дальнейшее совершенствование противокорабельных ракет Тип-12. Большое внимание уделено повышению информационных и коммуникационных возможностей японского командования, позволяющих проводить общенациональные операции. Развиваются космические системы мониторинга и сбора разведывательной информации, уделяется внимание кибербезопасности. Япония активно участвует в перспективных исследованиях, например - по созданию автономной технологии видеонаблюдения и датчиков для беспилотных подводных средств, создан демонстратор технологий перспективного истребителя Mitsubishi X-2, исследования по электромагнитной системе ускорения для увеличения скорости снаряда (рельсовая пушка).

Эти проекты могут значительно повысить военный потенциал страны, но успех не гарантирован, особенно учитывая, что в некоторых областях проекты продолжаются десятилетиями, требуют обширного финансирования и пока далеки от практического внедрения. В итоге можно заметить, что приложенные Японией усилия в военной сфере не достаточны для эффективного сдерживания КНР. Поэтому углубление японо-американского альянса остается приоритетной задачей японской дипломатии. С приходом

к власти республиканской администрации президента Трампа Япония станет перед лицом противоречивой тенденции. С одной стороны заявлено противостояние США с КНР, с другой - артикулирована безусловность предоставления защиты союзникам Вашингтона корреляция обещаний безопасности от соблюдения условий, выдвинутых США, и соответствие союзников определенным критериям, что само по себе требует внимания к подобному поведению и создает дополнительную степень риска. США не готовы жертвовать интересами Америки без адекватного вклада союзников. Для Японии подобное поведение Вашингтона тревожно, поскольку существуют сценарии, при которых США могут уклониться от своих обязательств (это может касаться так называемых ситуаций "серых зон"). Когда американская администрация будет требовать перераспределения военных усилий и ответственности в сдерживании Китая, между США и их союзниками в сторону большего вклада союзников, японской политической элите придется принять это требование как данность. У японских политиков уже был опыт подобной трансформации роли страны в соответствии с доктриной центров силы Никсона, провозглашенной на о. Гуаме, по которой Японии отводилась роль центра силы в АТР.

План Трампа по отказу от интеграционных процессов, включая ТТП, также наносит определенный ущерб политике ЛДП, которая взяла на себя ответственность, продвигая присоединение Японии к этому партнерству, не смотря на сильную оппозицию этому в японском обществе. Сложные конфронтационные отношения между РФ и США создают вероятность вовлечения Японии как американского союзника в процесс осуществления стратегии двойного сдерживания КНР и РФ. Во многом это повторение ситуации, уже существовавшей во время "холодной войны". В этом случае возможен и стратегический маневр США: отказ от сдерживания за счет нормализации отношений с одной из держав с целью изоляции другой, и выбор Вашингтоном державы, с которой будут нормализоваться отношения, может вызвать конфликт интересов между Японией и США. Важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности японских островов являются ядерные гарантии США. Однако повышение непредсказуемости в проведении стратегической линии США в отношении верности союзническим обязательствам, которая проявляется в последнее время, переводит в практическую плоскость размышления японской правящей элиты о достижении Японией статуса ядерной державы.

Разработка ядерного оружия потребует и развития средств доставки. Японское правительство будет учитывать негативные последствия от подобного шага как внутри общества, которое преимущественно поддерживает ядерное разоружение и «три неядерных принципа», так и однозначно негативную и прогнозируемо резкую реакцию соседних государств, что нанесет мощный удар стабильности в регионе и международным режимам. Кроме того, осуществление подобных крупных военных проектов требует расхода больших средств и времени на реализацию, что является дефицитом, учитывая динамически развивающуюся ситуацию на международной арене.

Японская дипломатия прикладывает усилия, направленные на расширение регионального сотрудничества, включая и оборонительную сферу. Наиболее важные партнеры Японии - Индия, Австралия, РК. Взаимодействие с вооруженными силами этих государств отрабатывается на регулярных военных учениях. Вовлечение Токио в совместные политические акции стран АСЕАН, поддержка их финансовой и военной помощью должно содействовать стабильности. В интересах Японии развитие добрососедских отношений с Россией, чтобы не толкать ее в объятия Китая. Предлагая позитивную повестку дня, не фокусируясь на застарелых проблемных вопросах, японская сторона в большей степени сможет отстаивать собственные национальные интересы.

Лобов Р.Н. (ИДВ РАН)

Корейский полуостров в японской внешнеполитической повестке дня:

Итоги 2016 г.

Корейский полуостров традиционно остается одним из ключевых направлений внешней политики Японии. Вместе с тем, характер насущных проблем, которые проявляются в политическом диалоге Сеула и Токио, существенно осложняют двустороннее взаимодействие, делая корейское направление одним из самых «проблемных». С одной стороны, речь идет о незатухающих исторических спорах и прочих производных проблемах (и это несмотря на соглашение по проблеме вианбу в декабре 2015 г.), с другой – о проблемах безопасности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии, поскольку ухудшение ситуации вокруг «корейской проблемы» и ядерной проблемы Корейского полуострова вызывает определенные опасения в Японии, что, в свою очередь, определенным образом подстегивает японо-южнокорейское стратегическое сотрудничество.

Как ни парадоксально, но сотрудничество в военно-стратегической сфере, традиционно являющееся «слабым звеном» в умозрительной системе Вашингтон – Сеул – Токио, от которой американские стратеги так и не отказались, одновременно оказывается и той сферой в политическом срезе японо-южнокорейских отношений, где возможно реальное полноценное взаимодействие в сложившихся непростых условиях.

Интересен, в данном случае, и «северокорейский» срез японо-южнокорейских отношений, касающийся как взаимодействия по «корейской проблеме» с Сеулом, так и вопросов двусторонних контактов между Токио и Пхеньяном.

Добринская О.А. (ИВ РАН)

**Политика Японии в отношении Центральной Азии в 1990-2010-е гг.:
основные цели и задачи**

Центральная Азия не является для Японии регионом, в котором сосредоточены жизненно важные интересы. Тем не менее, с самого появления на политической карте мира новых государств они стали объектом внешнеполитической активности Токио, в том числе получателями значительных средств по линии ОПР. Закономерным образом возникает вопрос, почему Япония уделяет особое внимание странам Центральной Азии.

В академических кругах нет единства по поводу наличия у Японии четко выраженной стратегии в отношении региона. Анализ внешней политики Токио позволяет выделить ряд постоянных факторов, определяющих ее задачи и влияющих на ее формирование и эволюцию в 1990-2010е гг.

Политические факторы включают в себя влияние международной среды, заставляющее Японию адаптироваться к меняющимся геополитическим реалиям и играть более значимую политическую роль в мире, стратегию Японии в отношении Китая и России, а также интересы японо-американского военно-политического альянса. Большое значение при рассмотрении японской политики в регионе имеют соображения экономического характера, в первую очередь, интерес к богатому ресурсному потенциалу региона. Помимо политических и экономических мотивов следует также отметить культурно-исторический фактор, а именно, восприятие Центральной Азии через призму наследия Великого Шелкового Пути.

На разных этапах во внешнеполитическом курсе Японии преобладало влияние тех или иных вышеперечисленных факторов. Представляется, что в обозримой перспективе в японской внешней политике в Центральной Азии будут доминировать соображения экономического характера, а также задачи сдерживания Китая.

Итоги первого турне главы японского государства по всем странам региона, состоявшегося в октябре 2015 г., дают основания полагать, что его значение будет возрастать не только в рамках глобальной дипломатии С.Абэ, но и в контексте обеспечения японских дипломатических и экономических позиций в условиях реализации Китаем новых региональных инициатив.

Кисеева Е.О. (УрФУ, г. Екатеринбург)
Авария на АЭС «Фукусима» как фактор активизации политики Японии
в зоне Персидского залива

Современная энергетика базируется на использовании невозобновляемых природных ресурсов, прежде всего углеводородов, что негативно отражается на экологической ситуации планеты и ведет к удорожанию энергии в связи с практической исчерпанностью легкодоступных, а потому относительно дешевых в эксплуатации месторождений. Япония, обладая внушительным экономическим потенциалом и имея огромный объем производства, в силу особенностей географического положения, практически лишена собственных топливно-энергетических ресурсов и вынуждена закупать энергетические ресурсы за рубежом. Сейчас страна на 90% зависит от импортных поставок энергоресурсов, таких как нефть, природный газ, уголь.

Традиционный для Японии уход от углеводородной зависимости – развитие ядерной энергетике, но после аварии на АЭС Фукусима-1 данная стратегия подверглась пересмотру. В «Базовом энергетическом плане Японии» 2014 г. был сделан акцент на развитие собственных возобновляемых источников энергии, что, кроме того, позволяет решить ряд ключевых экологических задач. Однако реализация подобной стратегии на практике наталкивается на целый комплекс проблем, что ставит под сомнение возможности страны обеспечить национальную энергетическую безопасность за счет интенсивного развития альтернативной энергетике.

Так как на сегодняшний день, по данным Международного энергетического агентства, уголь «отвечает» за 42,2% выбросов углекислого газа в атмосферу, нефть - за 36,6%, газ - за 19,8%, а все альтернативные источники энергии, вместе взятые, ухудшают экологическую обстановку на 0,4%. Таким образом, можно однозначно утверждать, что с экологической точки зрения альтернативная энергия - своеобразная «панацея» от дальнейшего роста парниковых газов в атмосфере.

Современная альтернативная энергетика представлена солнечной, ветряной и геотермальной энергетикой, а также энергией биомасс и гидроэнергетикой. Правительство Японии проводит политику стимулирования использования и производства электроэнергии за счет возобновляемых источников. Меры поощрения проявляются в разных сферах – от административной до налоговой. В Японии существует целевой налог на стимулирование разработки новых источников энергии, составляющий 2% от тарифа на электроэнергию. Также с декабря 2010 г. существует «экологический налог», который взимается в форме 50%-ной надбавки к действующему налогу на импорт ископаемых видов топлива. Помимо того, что этот налог несет дополнительные доходы в государственный бюджет, он также является предпосылкой структурной перестройки энергобаланса страны.[†]

Помимо системы стимулирующих мер общего характера, существуют специфические, нацеленные на поддержку отдельных видов энергии. С января 2009 г. работает система государственных дотаций на установку бытовых гелиоэлектрических систем. Также существует практика закупки электроснабжающими компаниями излишков электроэнергии индивидуальных хозяйств, установивших автономные гелиоэлектрические системы. Подобная практика стала обязательной для электроснабжающих компаний с введением «зеленого тарифа» на электроэнергию в ноябре 2009 г., и если изначально этот тариф распространялся только на гелиоэнергетику, то с 1 июля 2012 г. он стал носить всеобъемлющий характер и распространяться на все виды возобновляемых источников энергии.

[†] Стрельцов Д. В. «Чистая энергетика» в Японии. // Вестник востоковедения, М. 2013. С. 108.

В конце 2013 г. Кэйданрэн выступила за необходимость пересмотра введенных в июле 2012 г. льготных тарифов, призванных стимулировать развитие возобновляемых источников энергии, так как, по ее мнению, это слишком обременительно для японской экономики в нынешней ситуации. Однако определенные сдвиги в Японии успели наметиться до принятия нового энергетического плана благодаря специальным программам стимулирования развития возобновляемых источников энергии, и прежде всего, упомянутым тарифам.

До аварии в Фукусима в соответствии с Планом инновационных энергетических технологий «Cool Earth 50», принятом министерством экономики, торговли и промышленности (МЭТП) в 2008 г., долю атомной энергии в первичном энергобалансе предполагалось увеличить с 10% до 60% к 2100 г., а возобновляемых источников – с 5% до 10% (и сократить долю ископаемого топлива с 85% до 30%). Такой сценарий был разработан Управлением по атомной энергетике с целью сокращения выбросов углекислого газа к 2100 г. на 90%, причем наполовину – за счет увеличения вклада атомной энергетике. В июне 2010 г. в целях обеспечения энергетической безопасности и снижения выбросов углекислого газа МЭТП было принято решение об увеличении самообеспеченности энергоресурсами до 70% к 2030 г., и большая роль в достижении этого отводилась именно атомной энергетике.[‡]

После трагедии в марте 2011 г. произошло смещение приоритетов в государственной политике Японии. Если ранее основное внимание падало на развитие атомной энергетике, то после событий на Фукусиме-1 стало ясно, что атомная энергетика априори не является абсолютно безопасной, вследствие чего был взят курс на поиск альтернативных источников энергии и 11 апреля 2014 г. был принят «Базовый энергетический план Японии»[§], основанный на принципе «3E + S», то есть на «энергетической безопасности, эффективном снабжении, охране окружающей среды и безопасности». План показал, что Япония не сможет полностью отказаться от атомной энергетике, однако государство должно сокращать ее долю и развивать внедрение других возможных источников энергии в энергобаланс, диверсифицировать поставки ресурсов, ускорить развитие возобновляемых источников энергии. В целях энергосбережения «Базовый энергетический план» предусматривает внедрение энергосберегающих бытовых приборов, создание «умных счетчиков», переход населения на гибридные автомобили и электромобили, внедрение «зеленых» технологий в логистическую сферу и т.д. Также обозначены налоговые льготы, предусмотренные в случае покупки энергосберегающего или энергоэффективного оборудования и начала его эксплуатации в течение одного года после его приобретения: предоставляется налоговый вычет для всех предприятий, а для малого бизнеса также выдается кредит в размере 7% от базовой стоимости приобретенного оборудования.

Но, несмотря на все принятые меры поощрения использования возобновляемых источников энергии, их доля в энергобалансе страны остается чрезвычайно малой – около 3%. Это объясняется многими недостатками данного вида энергетике, такими как зависимость от метеорологических условий, сезонность и так далее. Очевидно, что возобновляемые источники на данном этапе развития электроэнергетике Японии не могут быть самостоятельным и единственным источником энергии для страны, а действуют эффективно только в масштабах локальной экономики. Это означает, что критическая зависимость Японии от импорта углеводородов сохранится в обозримом будущем. Это неизбежно будет вынуждать правительство Японии включаться в глобальную

[‡] Акимова В. В., Тихоцкая И. С. Новая энергетическая стратегия Японии и развитие солнечной энергетике. // Экономика и управление, 2014. С. 71-87.

[§] [エネルギー基本計画](http://www.meti.go.jp/press/2014/04/20140411001/20140411001-1.pdf) (Энэруги кихон кейкаку. Базовый энергетический план) // 経済産業省 (Кейдзай сангё:шө: Министерство экономики и промышленности). URL: <http://www.meti.go.jp/press/2014/04/20140411001/20140411001-1.pdf> (дата обращения: 15.09.2016).

энергетическую гонку и активизировать свою внешнюю энергетическую политику в ключевых энергоресурсных регионах мира – на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Каспийском регионе.

Несмотря на тенденцию к «сдвигу» энергетической политики развитых и динамично-развивающихся стран в сторону использования возобновляемых источников энергии и отказа от углеводородов, по прогнозам «British Petroleum» к 2035 г. из-за постоянного увеличения населения планеты и роста потребления ископаемое топливо останется доминирующим источником энергии и составит почти 80% от всей энергии. Спрос на нефть возрастет почти на 20 млн. баррелей в день за счет роста потребления промышленности и транспорта в Азиатском регионе. Преимущественно будет возрастать потребление природного газа (на 1,8% ежегодно). Что касается угля, то его уровень потребления будет постепенно снижаться и его место в рейтинге потребления после нефти займет природный газ^{**}.

Потребление возобновляемых источников энергии возрастет практически в 4 раза, а снабжение «чистой» энергией составит треть от общего роста производства электроэнергии^{††}.

Таким образом, становится понятно, что альтернативная энергетика, обладая рядом преимуществ, не способна самостоятельно решить проблемы энергодефицита Японии, и на первое место вновь выдвигаются импортируемые углеводороды.

По данным IEA – Международного энергетического агентства – Япония занимает первое место среди стран, импортирующих натуральный газ и третье, среди стран, импортирующих уголь и нефть.^{‡‡} Основными экспортерами углеводородов в Японию являются страны Персидского залива, а именно Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. Также Япония покупает нефть в Омане, Кувейте и Иране. На сегодняшний день, Япония, как и многие страны-экспортеры или импортеры углеводородов, старается диверсифицировать поставщиков в целях обеспечения собственной энергетической безопасности.

Боговкова О.И. (ИДВ РАН)

**Геополитический аспект изменения японского законодательства
в области обороны и безопасности**

В 2000-х годах японское законодательство в области обороны и безопасности подверглось ряду существенных изменений:

законы 2001 и 2003 годов создали правовую основу для самостоятельной и коллективной борьбы с международным терроризмом и изменили статус Сил самообороны;

принят пакет доктринальных документов в декабре 2013 года (Стратегия нацбезопасности и Основные направления Программы нацобороны, План строительства вооруженных сил в 2014 – 2018 годах);

в 2014 году принята расширительная трактовка статьи 9 Конституции, позволившая использовать японские вооруженные силы за рубежом в рамках права на коллективную самооборону, а также Стратегия развития национального военного производства и военных технологий;

^{**} Outlook to 2035 - energy use to rise by a third // BP Global. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/energy-outlook-2035/energy-outlook-to-2035.html> (дата обращения: 15.02.2016).

^{††} BP Energy Outlook 2016 // BP Global. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/energy-outlook-2016/bp-energy-outlook-2016.pdf> (дата обращения: 15.02.2016).

^{‡‡} IEA Energy Atlas. URL: <http://energyatlas.iea.org/#!/profile/WORLD/JPN> (дата обращения: 01.11.2016).

в 2015 году обновлено Соглашение об основных принципах японо-американского сотрудничества в области обороны и принят Закон о расширении полномочий Сил самообороны Японии.

Токио использовал ряд новых концептуальных понятий – «активный пацифизм», «динамичная оборона», «объединенный оборонный потенциал гибкого реагирования». Учитывая внутреннее противостояние и противодействие оппозиционных сил, а также крайне негативную реакцию азиатских соседей Токио, кабинет Абэ предпринял шаги по позитивному позиционированию своих действий как внутри страны, так и вовне.

Основными причинами реформ объявлены деятельность КНДР и усиление Китая. Это озвучивалось и на внешнеполитической арене, где Абэ использовал различные площадки для продвижения своих концепций – от Шангри-Ла диалога, азиатских симпозиумов об общих ценностях до выступления на 71-й сессии ООН («японский дух ООН», готовность Японии играть более активную роль в обеспечении мира в Азии и мире); и внутри страны (речи на 190-й сессии Парламента, в Академии национальной обороны).

Однако помимо широко используемых «китайского» и «корейского» факторов, в выступлениях Абэ (в том числе на 70-й годовщине окончания войны) звучали идеи, перекликающиеся с ключевыми историческими концептами японской геополитики: как в концепциях Коноэ, Хирота и др. Япония представлялась страной – провозвестницей самоопределения и свободы стран Азии, было обещано «поднять флаг активного пацифизма» и вносить вклад в мир и процветание... «более, чем раньше».

Как и идеологи национальной избранности конца XIX века, Абэ вновь и вновь возвращается к уникальности Японии (от природы до культуры и традиций) как залогом развития страны и ее вклада в развитие мира (включая научно-технологическое). В этой связи сдерживание Китая и КНДР может быть не самоцелью, а лишь элементом более сложной геополитической схемы, как и в период китайско-японской и русско-японской войн рубежа XIX – XX веков, о последней из которых упомянул в своей речи и Абэ – как о войне, «которая дала стимул многим народам под колониальным гнетом в Азии и Африке». Однако реальные причины событий конца XIX – начала XX века лежали в области экономики и промышленности (Маньчжурия и Северо-Восточный Китай, далее Юго-Восточная Азия – производственная база, сырье, рабочая сила), а уже для обоснования геополитических национальных интересов была создана соответствующая идеология «Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания».

Господствует позиция, что нынешнее «подчиненное» положение в японо-американском союзе продолжает оставаться сознательно выбранной внешнеполитической позицией Японии. Однако можно предположить, что как и в начале XX века, Токио делает вид, что ведет американскую игру, используя в качестве «дымовой завесы» страх США перед «китайской» угрозой в АТР и выдвигаемые в этой связи внешнеполитические концепты – «бриллиант безопасности» в Восточной Азии (Япония – США – Индия – Австралия), диалог с АСЕАН и др. Реальную же основу японской активности составляют именно практические шаги, в том числе в части изменения законодательства в области обороны и безопасности, где акцент делается на: обеспечении японских вооруженных сил техникой, преимущественно произведенной японскими компаниями (Стратегия развития...2014 года), на совершенствовании системы НИОКР, в том числе, при более широком использовании гражданских технологий (в русле позиционирования Японии как драйвера научно-технологического развития в мире), отмене запрета на экспорт военной техники (с 2014 года) и т.д.

Такие шаги отвечают реальным геополитическим интересам Японии, которые не изменились – изменились лишь условия для их претворения в жизнь.

**Малашевская М.Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
Политика Японии в отношении России в к. 1980-1990-е гг.:**

механизмы ведения переговоров

В конце 1980-х гг. для японской политики открылись широкие возможности и перспективы для осуществления дипломатической деятельности в СССР, что, очевидно, было связано с изменениями во внешнеполитической доктрине советского руководства, внесенными правительством М.С. Горбачевым. Японская дипломатия живо отреагировала на появление такой возможности и начала применять более широкий инструментарий для проведения переговоров с российским правительством. Распад СССР в 1991 г. способствовал тому, что этот инструментарий начал еще более расширяться. Важно отметить, что данную политику можно разделить на две категории: сформированная с определенной целью и сформировавшаяся стихийно.

Можно выделить следующие дипломатические механизмы, которые применялись в до конца 1990-х гг. и относились к первой категории:

1. Формулирование концептуальной основы политики: 1. «сбалансированное равновесие» (1989 г.), «пять принципов Накаяма» (1991 г.), «многоуровневый подход» (1996 г.).

2. Применение *«тактики давления»* на уровне межправительственных переговоров, наиболее активным образом применявшаяся в преддверии визита М.С. Горбачева в Японию в 1991 г. и несостоявшегося визита Б.Н. Ельцина в Токио в 1992 г.

3. Установление *«канала связи»* с окружением М.С. Горбачева и затем Б.Н. Ельцина – постоянно продельваемая работа, направленная на трансляцию позиции Японии в правительстве СССР/России. В разные годы роль *«канала связи»* выполняли разные политики, в том числе А.С. Черняев, А.В. Козырев, Г.Э. Бурбулис, попытка использования С.И. Иванова уже при В.В. Путина.

4. Тактика *«закинутого мяча»* во время первичного обмена мнениями по проблеме, в случае с российско-японскими переговорами, по *«территориальной проблеме»*.

5. Укрепление межличностных отношений между русскими и японцами на основе *«дипломатии лицом к лицу»* на уровне политиков, предпринимателей, представителей науки и культуры. В том числе применение тактики *«soft power»/«культурной дипломатии»*.

6. Проведение неформальных переговоров, руководствуясь принципом *«нэмаваси»*. Ярким примером может служить организация *«встреч без галстуков»* в 1997 – 1998 гг. в рамках этой дипломатии применялось много частных методов таких, как *«банная политика»*, *«алкогольная дипломатия»*, отношения *«учителя и ученика»* и пр.

7. Разведка и добывание инсайдерской информации в среде российской политической элиты. На этом направлении заметный вклад внес дипломат Сато Масару.

8. *«Парламентская дипломатия»*, особенно активная в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

9. Разделение политики на два направления, т.е. разделение России на две части: а. центр (общие межгосударственные вопросы и проблема мирного договора) и б. российская периферия (Дальний Восток и особенно южные Курильские острова).

10. Оказание правительством Японии гуманитарной помощи жителям оспариваемых Японией островов в 1992 – 2002 гг. с целью использования их в качестве лобби по вопросу *«возвращения»* оспариваемых Японией островов.

Тесную связь с 9-м пунктом имеет дипломатия, сформировавшаяся одновременно и стихийно и целенаправленно, а именно тесное экономическое, гуманитарное и политическое взаимодействие в зоне пограничья. В данном случае ведущую роль играло следующее:

1. Формирование по средствам предпринимательских кругов совместной хозяйственно-экономической деятельности (в 1990-е гг. особенно актуальной считалась свободная экономическая зона в Японском море).

2. «Народная дипломатия», а именно гуманитарный обмен между северной Японией и южными Курилами по программе безвизового обмена, применение методик культурной дипломатии и «*дипломатии лицом к лицу*». Пример, организация культурных и образовательных программ для жителей этих территорий, организация поездок в Японию и в Россию.

Горбунова Е.А. (Дипакадемии МИД РФ)

Роль культурной дипломатии в современных российско-японских отношениях

Семьдесят один год назад (16 ноября 1945 г.) международное сообщество, принявшее Устав ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), продемонстрировало де-факто и де-юре свой выбор за развитие международных культурных связей, вызванных необходимостью умиротворить сознание мужчин и женщин всего мира после столь разрушительных (в т.ч. в психологическом плане) событий Второй мировой войны. Документ подписали в 1951 г. (2 июля) Япония и в 1954 г. (21 апреля) СССР. Однако, безусловно, и ранее культурная дипломатия служила миротворцем между Россией и Японией.

Сегодня культурная дипломатия обеих стран находится в условиях неотъемлемого феномена глобализации. В свою очередь глобализация выявляет, с одной стороны, перспективы культурно-гуманитарного сотрудничества России и Японии, с другой – проявляет и вопросы взаимного недопонимания в восприятии имиджа двух стран, вызванного целым рядом исторически сложившихся стереотипных «ярлыков». Японская «мягко-силовая» политика широко воздействует на российское общество через массовую культуру, в то время как культурная дипломатия России запоминается более узкому кругу японского общества через имена ярчайших личностей, прежде всего, музыкально-театральной школы русского исполнительского искусства.

Предлагаемый доклад - попытка комплексно рассмотреть итоги и перспективы культурной дипломатии в современных российско-японских отношениях и проанализировать возможные пути снятия (с помощью культурной дипломатии) характерных историко-политических «ярлыков». Анализ основан и на методе включённого наблюдения в изучаемой стране (Японии).

ⁱ URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2016/DOJ2016_1-1-1_web.pdf (дата обращения: 10.11.2016)

ⁱⁱ URL: http://www2.jiia.or.jp/en_commentary/201607/13-1.html (дата обращения: 10.11.2016)

ⁱⁱⁱ URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/281025.pdf (дата обращения: 10.11.2016)